

ЛАЙЗА ФОКС

Вместе
НА РАССТОЯНИИ
ВЗГЛЯДА

Лайза Фокс

Вместе на расстоянии взгляда

«Автор»

2026

Фокс Л.

Вместе на расстоянии взгляда / Л. Фокс — «Автор», 2026

Наша встреча началась с ненависти и стала спасением. Мне пришлось бросить мечту и сбежать подальше от предательства бывшего жениха, сделавшего предложение моей матери. Моё лекарство от боли – круглосуточная работа официанткой и картины для души. Но циничному мажору с дорогой яхты захотелось купить и её тоже. Он не знал, что мы связаны общей болью. Что однажды мне придётся научить его жить с виной, сжирающей заживо. А ему — вернуть мне веру в любовь.

© Фокс Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Викторина навылет	9
Чтобы гости были довольны	11
Расплата	14
От меня ещё никто не убегал	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лайза Фокс

Вместе на расстоянии взгляда

Я не продаюсь!

«Вика, хватит дуться, как ребёнок! Заканчивай с обидами и приезжай на свадьбу! Мы тебя ждём с Антоном. И знаешь что? Ты тоже была хороша. Наговорила лишнего, но мы не сердимся. К тому же Антон просто ошибался! Он попросил прощения».

Прощения? Он всего лишь попросил прощения? За предательство? За то, что встречался со мной, а когда я их застукала, сделал предложение не мне, а ей. Моей матери. Очень взрослый взвешенный поступок.

Ещё бы сказали, благородный!

Едва сдержавшись, чтобы не швырнуть телефон в море, старалась успокоиться, но получилось плохо. Южный городок, прекрасный пейзаж. Брызги волн.

И парочки, парочки, парочки!

Они были повсюду! Гуляли вдоль моря, обнимались в подворотнях, целовались на лавочках. Влюблённые идиоты! Бесили меня до желания бить посуду и желательно об их глупые головы.

Вечерний ветер пах йодом, свежестью и свободой. У меня было не больше часа, когда я могла делать то, что хочу. Это было моё время. Время, когда я могла забыть обо всём на свете.

О том, как сбежала сюда, застав мать в объятиях жениха. Как теперь работала почти круглосуточно в третьесортной забегаловке и жила в комнате, в которой из-за тесноты, даже не могла пройти, не поворачиваясь боком.

А ещё, вспомнить, что я художник. Что у меня есть талант, но нет теперь возможности вернуться в Строгановку. Потому что жить с мамой и сталкиваться каждый день с Антоном теперь было совершенно невозможно.

Во мне бушевала злость и обида. Ненависть к Антону была такой душераздирающей, что мне едва хватало сил, чтобы не начать крушить всё вокруг. Он меня предал!

Мольберт ходил ходуном. Я водила кистью по холсту с такой силой, что боялась проткнуть холст насквозь. Кое где оставляла след не ворсом, а железным зажимом, царапая поверхность.

Рисуя море, я выписывала ярость. Каждый мазок бил по его лживому лицу, по её слабости, по собственной наивности. На холст выплёскивалась ненависть, боль, отчаянье. Море выходило опасным. Таким, каким оно было в моём воображении.

Таким, каким стал для меня весь мир.

Внезапно за спиной послышались шаги прямо у кромки воды. Я вздрогнула и постаралась прикрыть собой холст. Инстинкт. Теперь я не хотела делить своё ни с кем. После всего случившегося я ждала подвоха ото всех.

Возле мольберта остановился крепкий парень. Года на 4 старше меня. Слишком ухоженный для этого пляжа, в рубашке, которая стоила больше, чем я зарабатывала за месяц.

В его глазах читалась какая-то странная, мрачная напряжённость. Он глядел не на меня, а на мой рисунок. Смотрел так, словно видел сквозь краску и мог рассмотреть мою боль.

– Вы её поймали, – сказал он хрипло. – Настоящую сущность стихии.

Сердце ёкнуло. Он понял. Но его следующий вопрос вернул всё на свои места. Они все одинаковые.

– Я хочу это купить. Назовите цену. Любую.

Холодная волна омерзения подкатила к горлу. Ещё один. Ещё один, кто считает, что я ничего не значу! Только деньги, условия, прихоти. Остальное можно купить. Эмоцию, боль, душу!

Как тот, кто купил расположение моей матери дорогими подарками и сладкими обещаниями.

– Уходите. Это не продаётся.

Я повернулась к холсту, но незнакомец схватил меня за локоть сильнее, чем это было прилично.

– Не так быстро, красотка! Я ещё не закончил! Назовите цену. Я не буду торговаться.

У меня почти сорвало тормоза. Я резко выдернула руку из его захвата.

– Вот именно, – мой голос прозвучал хрипло и язвительно. – Вы всегда так. Вам понравилось – вы покупаете. Как диван, или машину, или... – Я чуть не сказала «или женщину». Горло сжалось. – Уходите. Картина не продаётся.

Парень не собирался сдаваться.

– Назовите больше, чем она стоит. Я оплачу ещё 10 наборов краски сверху.

Это было последней каплей. Он думал, я просто торгуюсь? Что моя принципиальность имеет свою цену?

– Нет, – выкрикнула я!

– И почему? – Он презрительно скривил губы.

– Потому что это МОЁ! – крик вырвался из меня сам, голос сломался на высокой ноте. Вся ярость, всё отчаяние последних месяцев выплеснулось наружу. – Это единственное, что нельзя у меня купить! Это моя боль, моя злость, мои... мои краски! Идите и купите себе что-нибудь ещё. Сувенир. Девушку. Счастье. А это не продаётся.

– Поломаешься и продашь. Вы всегда так начинаете, а потом умоляете, чтобы взяли чуть ли не даром! Никуда не денешься. Продашь!

Парень не собирался уступать. Он был гораздо выше, сильнее.

Его мощные предплечья с закатанными до локтей рукавами и прищуренные карие глаза выглядели угрожающе. Даже короткие тёмные волосы топорщились от ветра, как иголки ежа.

Мне некуда было спрятаться у самой кромки воды, но я нашла выход.

Повернулась к картине. К своей боли, злости, единственному, что осталось по-настоящему моим. Впечатала пятерню в свежие мазки и беспощадно размазала их по холсту.

Грубо уничтожила нарисованное море. Жгучее чувство вины за этот вандализм смешалось с диким удовлетворением.

– Можете взять даром! – выплюнула я в лицо незнакомцу.

– Ты пожалеешь! – Зло ответил он.

Катя, у нас замена!

Манжет не оттирался ничем! Акрил был моим спасением и наказанием одновременно. Он прекрасно заменял масляные краски, при этом экономя бюджет. Да и сох он гораздо быстрее, но не оттирался!

С рук влажной салфеткой смывался сразу и без проблем. Со стекла тоже уходил быстро. А вот ткань портил навсегда. Не помогало абсолютно ничего.

В Строгановке иногда удавалось отлить пятна кипятком. Но это если быстро и только не синий, и не зелёный. А вчера я испортила морской пейзаж. Там только они и были!

Из-за этого наглого богача я испортила единственную подходящую для вечерней работы рубашку. Это днём в «Столовой тётушки Марико» можно было работать в футболке. Никто и не заметил бы.

А вот на вечернюю смену в «Пещеру» я должна была явиться в тёмных брюках и рубашке с длинным рукавом. Белой. Без рисунка. И другой у меня не было.

– Да прекрати ты тереть! Бесполезно это! Мы с Лизком ходили на Арт-вечеринку. Она испачкала любимое платье. Ну и всё, выкинули. Чем только не пробовали вывести!

Катя стрельнула в меня глазами и продолжила красить губы. Она работала в «Пещере» не для денег, вернее, не только для них. Её целью было подцепить богатенького мужика.

Желательно, для жизни, но на отдых – тоже пойдёт. Вот Катя и колдовала над своим лицом перед каждой сменой. Ресницы нарастила, губы подкачала. Ловила на живца.

Я, прибежав на «вечернее усиление смены» успевала только собрать в пучок на затылке непослушные тёмные волны, которые уже забыли, что такое настоящий уход.

Сегодня успела ещё накрасить ресницы и стрелки. Губы смазала блеском, чтобы сделать мягче. Видно не будет, но и трескаться будут меньше на ветру.

Чтобы не было видно вымазанный краской край манжета, я завернула его внутрь. Если не тянуться сильно вперёд, длины рукава должно хватить. Да и Артуру не надо показываться на глаза.

Он к внешнему виду сотрудников, даже дополнительных, очень строг. А покупать новую расточительно. Мне 19 лет! А в моём лексиконе есть «расточительно». Как бабка старая!

В зал завалилась шумная компания молодых и дерзких. Катя, выглянув через тонированное окошко в зал и аж подпрыгнула от нетерпения.

– Вика, смотри! Гордей! Гордей Измайлов! – Катя заметалась между зеркалом и дверью. Замерла. Вцепилась в мою руку и зашипела, глядя безумными глазами. – Это мой шанс! Посмотри на меня!

Катины глаза горели, как у одержимой. Щёки покрылись румянцем. Даже безупречно уложенные белоснежные волосы заблестели так, словно их коснулась рука мастера.

– Катя! Ты потрясающе выглядишь!

– Даже для Гордея Измайлова?

В глазах официантки была такая надежда, что я не решилась сказать ей, что все они тут временно. Что мы только услуга для их комфорта. Услада для эго.

Пока им выгодно и удобно. А потом будет другая Катя. Но огорчать коллегу я не стала. Тем более, такую симпатичную.

– Ты просто подарок для любого!

– А для Измайлова? – Не унималась блондинка.

– Да хоть для кого! Не знаю, кто такой этот Из-май-лов, но ты такая красотка, что все мужчины мира сегодня должны упасть к твоим ногам! Вперёд!

– Вперёд! – Эхом откликнулась Катя и повернулась ко мне спиной – Примета!

Я закатила глаза, но по попе коллегу шлёпнула. Её суеверность сегодня не раздражала. Расстраивала наивностью, не больше. И когда за Катей захлопнулась дверь, я только грустно улыбнулась.

Богач? Мужчина? Какая Катя с побережья?

Они выбирают других.

Я расправила фартук, проверила зарядку смартфона для заказов. Нацепила отработанную до автоматизма улыбку и выскользнула в зал. Пора начинать вторую работу.

Посадка была полной. Администратор Настя лавировала между людьми и столиками, выискивая свободные места. Встречала и провожала. Точнее сказать, выпроваживала.

Мы с ней переглянулись и побежали в разные стороны. Работа! Я приготовилась принимать заказ у девятнадцатого столика, за моей спиной раздалось удивлённое:

– Вот это встреча! Так ты ещё и официантка!

До боли знакомый голос заставил меня вздрогнуть. Я зажмурилась и обратилась в пожилой паре перед собой.

– Вы готовы сделать заказ?

– Мы готовы! – Раздалось за моей спиной. Теперь в мужском голосе слышалось раздражение. – Девушка, я с вами говорю! Примите у нас заказ.

Теперь я вжала голову в плечи, а сзади зашебетала Катя.

– Прошу прощения, я готова принять ваш заказ.

– Я хочу, чтобы это сделала она.

– Но ваш столик обслуживаю я!

В голосе Кати прозвучала обида. Как у ребёнка, у которого отобрали игрушку. Казалось, что она может расплакаться в любую секунду.

– Девушка, как вас зовут?

– Екатерина.

Теперь подруга излучала оптимизм. Старички за моим столом с любопытством переводили взгляды с меня на компанию за моей спиной.

– А вон та официантку как зовут?

– Вика, – буркнула подруга.

– Так вот, Катюша, я хочу, чтобы нас обслуживала Виктория!

Это было сказано голосом, не терпящим возражения. Если бы у Кати не было планов относительно именно этого мужчины, она тоже тихонечко отползла бы в уголок, радуясь, что захотели не её.

– Но ваш официант – я!

Я ждала крика, но его не было. Не говоря ни слова, кто-то встал из-за стола, шумно отодвинув массивное кресло. Раздались громкие шаги, а потом меня бесцеремонно схватили за руку.

– Простите, пожалуйста за беспокойство, – сказал вчерашний незнакомец людям за моим столиком. Потом, резко дёрнув меня в сторону своих друзей, громко объявил, – Катя, у нас замена!

Компания захохотала, а я поняла, что ничего хорошего из этого вечера не выйдет.

Викторина навyleт

Компания была небольшая, но хваткая. У меня было ощущение, что я стою перед сворой натравленных на меня собак. Они были попарно похожи между собой.

Светловолосые, отдалённо напоминающие померанских шпицев, с обманчиво добрыми глазами. Двое высоких тонких брюнетов. Чем-то схожие с гончими или борзými. И этот.

Тёмные короткие волосы, тёмные глаза. Мощная фигура и хватка ротвейлера. И взгляд. Хищный, цепкий, давящий. С полным ощущением, что он уже вцепился в горло и вырваться не удастся.

Рядом с ним сидело воздушное создание с нереально голубыми глазами, пухлыми розовыми губами и ресницами, поднимающими ветер. И полным обожания взглядом.

– Ну, что же! – Ротвейлер повернулся в мою сторону. – Сегодня нас будет обслуживать Виктория. Заказывайте.

Это прозвучало так, словно он отдал команду фас. Натравил свою свору на меня. Моё сердце ёкнуло, а они с удовольствием подхватили травлю.

Нет, они не обзывались, не трогали меня физически, но издевались все. С упоением.

Сначала они выбирали еду с такой тщательностью, словно от этого зависела их жизнь. Задали миллион вопросов, а ответы слушали с таким видом, словно вместо слов, я бляяла.

Мне, как подменному почасовому официанту и так было тяжело ориентироваться в меню, а с такими уточнениями, хотелось расцарапать им лица и гордо уйти со смены.

Но каждый заработанный рубль был расписан в бюджете, и я старалась сдерживать жгучее желание стукнуть их подносом. В систему фуд-кипер на смартфоне вносила заказ и вычёркивала, писала дополнения и снова редактировала.

– Из какой части Франции доставлены прованские травы?

– У меня нет этой информации. С удовольствием уточню для вас этот вопрос.

– Тогда уберите ризотто из заказа, я подумаю над другим блюдом.

– На каких углях готовится овощи?

– На берёзовых, без применения химических компонентов и жидкости для розжига.

– Жаль. Я люблю вишнёвые.

– Убрать из заказа овощи гриль?

– Пока оставьте.

– Какого качества телятина?

– Высшего. Парная.

– Сорт помидоров в тёплом салате?

– Черри. Сорт Чёрный остроносый свити.

Они увеличивали темп вопросов. Забавлялись. Перемигивались, словно передавая эстафету травли. Делали всё, чтобы я сорвалась. И я чувствовала, что начала заводиться и выдыхаться тоже.

Вторая рабочая смена подряд давала о себе знать. Хотелось просто сесть и прекратить это моральное избиение. Но ротвейлер заводил всех добить меня до конца.

Во мне закипало презрение и ярость. Надо мной измывались богатенькие выкормыши. Сыночки-корзиночки и мамини принцессы, не работавшие ни дня.

И я их ненавидела так, что меня начинало трясти от макушки до кончика стоптанных балеток. Я выглядела жалко перед этой породистой упакованной в брэнды сворой.

Артур стоял у входа в зал, наблюдая за нашим столом и слушая, что ему говорит, выпучив и без того большие глаза, администратор. Встретившись со мной взглядом, хозяин заведения показал ребром ладони на горло.

Заступаться не будет. Если что-то пойдёт не так, уволит со скандалом. Как же я их всех в этот момент ненавидела! Мне хотелось размахнуться и разбить телефон о столешницу.

Рука устала перебивать заказы. Подвёрнутый манжет мешал и натирал кожу с внутренней стороны предплечья. Я была уже почти в полном отчаянье.

А потом вдруг вспомнила, из-за чего у меня испорчена рубашка. Этот парень, с высокомерным презрением экзаменующий меня на знание меню, испортил вчерашний вечер, рубашку и рабочую смену! И мою картину!

Артур снова полоснул ребром ладони по горлу.

Не надо повторять! Я сразу всё поняла!

И теперь уже я решила отыграться! Если меня всё равно уволят из-за скандала с богатыми выскочками, то и горевать не о чем. Можно повеселиться от души, если удастся не рассмеяться.

Теперь я была готова изображать эксперта кухни пафосного ресторана Пещера. Шеф-повара и гурмана в одном флаконе.

– Ну, а чай? – спросил похожий на шпица блондин.

Я надменно вздёрнула подбородок и копируя их высокомерие, ответила:

– Безусловно! Элитные сорта.

– А, конкретно?

Меня несло. Я взяла лежащее на столе меню в тяжёлом кожаном переплёте. Выпрямилась и театрально прочистив горло начала зачитывать с листа, делая длинные паузы.

– Шу Пуэр Бан Чжань. Молочный улун. Красный чай из Дяньси.

– Я понял, – прервал меня блондин.

Он брезгливо скривился и едва заметно взглянул на свою подругу. Та моментально подхватила эстафету. Ткнула тонким пальчиком с идеальным маникюром в лист с закусками. Поджала губы.

– Входит ли в кляр для карамелизированных фруктов молоко?

– Непременно. Но если у вас есть желание, повар сможет заменить его на альтернативное. Или вовсе убрать.

Мне стало так легко. Теперь я смотрела на компанию за столом и забавлялась, как на викторине. Стендапе с элитными зрителями.

– Скажите, а какого оттенка у вас мясо сёмги? – спросила девица с длинными каштановыми волосами, похожая на гончую.

И мне стало дико смешно! Почти нестерпимо. Но, нацепив на лицо маску диванного эксперта, я закатила глаза.

– Такого оттенка, который получается при постепенном интенсивном смешивании охры, кармина и большого количества белил. С добавлением синего на кончике мастихина для придания глубины. – А потом я посмотрела ей прямо в глаза и добавила, словно тщательно подбирая слова для передачи истины. Даже подалась вперёд и немного понизила голос. – Такого, знаете, лососёвого цвета.

На секунду за столом воцарилась тишина, а потом они начали смеяться. Первыми захотали шпицы, потом к ним присоединилась парочка гончих.

Даже блондинка, висящая на руке ротвейлера, начала хихикать. А вот он – нет. И по тому взгляду, которым он меня окатил, я поняла, что теперь это война.

Чтобы гости были довольны

Компания притихла. Теперь было понятно, что главный в ней – ротвейлер. Он поджал губы и, оперевшись ладонями в край стола, быстро и чётко продиктовал:

– Тёплый салат с черри сорта Чёрный остроносый свити с заправкой отдельно. Запечённую лопатку ягнёнка без перца. Брускетты с ростбифом, двойной кинзой и гуакамоле. Повторите.

А повторила без запинки, моментально внося информацию в фуд-кипер. Уточнила:

– Замечания и дополнения будут?

– По меню – нет. – Ротвейлер повернулся к друзьям. – Заказывайте.

– Ризотто с сёмгой без лука.

– Карпаччо из гребешка с соусом шисо.

– Бурата с узбекскими томатами, если они у вас именно такие.

– Салат с хрустящими баклажанами и киноа.

– Тар-тар из тунца.

Заказы сыпались одно за другим, и я чудом успевала вносить их в список по кухне. На реплики больше не откликалась, боясь запустить следующий тур викторины.

Повторила заказ, и получив подтверждение, отправила его на кухню поварам. Программа фуд-кипера мигнула жёлтым. Кухня приняла список в работу. Я едва не закричала от счастья.

– Блюда предпочитаете получать по готовности?

– По готовности.

Облегчённо вздохнув, я собиралась уже отойти от стола, как меня, хищно ухмыльнувшись, снова остановил ротвейлер.

– Не отходите от нас, Виктория. На этот вечер вы принадлежите нам. Может быть, и не только на него. – Он снова ухмыльнулся. Потом плотоядно посмотрел на мои губы и продолжил, – перейдём к тому, что мы будем пить.

Гадёныш! Мне хотелось закричать на весь ресторан. Но одного взгляда на Артура, наблюдающего за ситуацией из укрытия, хватило чтобы понять, чем я рискую.

– Готова принять заказ. Что желаете?

– Тебя, – ответил ротвейлер с усмешкой.

– К сожалению, это блюдо отсутствует в меню. – Спокойно ответила я.

– Надеюсь, что временно.

– Что-то ещё?

– Две комбучи.

– Милк шейк.

– Шоколадный или ванильный?

– Шоколадный.

– Какого объёма? 200, 300 или 500 миллилитров?

– 300.

– Спасибо, внесла в заказ.

Постепенно и с напитками всё утряслось. Я аккуратно заносила выбранное в фуд-кипер и отправляла сразу же. Мне казалось, что ситуация начала терять накал.

Но глядя на лица перемигивающихся за столом, я понимала, что всё только начинается. В программе начали появляться позиции, выделенные в заказе зелёным.

Я собиралась вернуться на кухню, чтобы принести приготовленные блюда, но меня снова остановили.

– Не так быстро, крошка. Мы хотим, чтобы ты поменяла скатерть.

Я посмотрела на безупречное синее полотнище на столе. На нём не было ни единого изъяна. Она была даже глаженной, а не только чистой. Мне было непонятно, к чему они придрались.

– Простите, пожалуйста, подскажите, по какой причине не подошла эта скатерть, чтобы мы нашли требуемую.

Ротвейлер откинулся на спинку кресла и, стряхнув кисть невесомой соседки со своего предплечья, сложил руки на груди.

– Не нравится.

Я замерла. Если сейчас поменять скатерть на другую просто так, они скажут, что и она недостаточно хороша. Надо иметь конкретные критерии. Море на картине не нравится? Непонятно. Вода недостаточно блестящая? Сейчас исправлю.

– Уточните, пожалуйста, какую вы хотите скатерть?

Ротвейлер посмотрел на парочку напротив.

– Белую. – Подхватила блондинка. Её спутник поцеловал её щёку, в знак одобрения.

У меня почти началась истерика. А что ещё надо? Зелёную, вышитую красными розами не требуется? Золотые нахалы. Чего им ещё нужно?

– Простите, вы хотите белую скатерть?

– Белую. – Девушка спиц забарабанила по синей ткани. – С чем у вас теперь трудности? Это самый простой цвет, который мы могли бы попросить. Нам не нужна пурпурная, фуксиевая или лососёвая. Мы просим всего лишь, белую. Неужели вы не можете выполнить наше пожелание?

Она окатила меня высокомерным взглядом избалованной мажорки, и я снова вспомнила главное. Взглянула на фуд-кипер. Теперь почти напротив всех заказанных блюд горел сигнал готовности.

Уволят. Меня точно уволят. И так денег не хватает, а будет ещё меньше без подработки. Но я не могу этого изменить. А что могу?

– Мне необходимо отойти на кухню. Ваша еда...

– Сначала вы замените нам скатерть!

Девушка постучала наманикюрными пальчиками по столешнице. И меня снова пронзила ненависть. Спокойно, Вика! Фуд-кипер мигнул ещё раз, и мне в голову пришла гениальная идея мести.

– Я вас поняла, – сказала я, изображая заинтересованность. – Хочу только уточнить один вопрос. Дело в том, что концепция нашего ресторана Пещера, решена в тёмных тонах сумрачного грота. Её создают приглушённый свет, тёмные шторы, синие скатерти. – Сделав вид, что я начала тянуть время. – Дизайнер соединил несколько стилей, чтобы создать гармоничный интерьер. Эклектика это позволяет. И если я принесу за ваш стол даже очень дорогую скатерть белого цвета, она будет противоречить продуманной до мелочей концепции. А, главное, – я снова склонилась ближе к компании, – будет выглядеть так, словно у вас не хватило денег на приличную и пришлось использовать кусок дешёвой простыни. – Я осмотрела присутствующих. – Решение за вами.

– Просто замени скатерть на другую чистую, – прорычал ротвейлер.

– Цвет оставить прежним?

– Да.

– Благодарю вас.

Я помахала администратору, и мне на помощь прислали Катю. Собрав на поднос стоявшее на столе, я заменила одну чистую скатерть на другую. Подруга смотрела на меня обиженно.

Когда я закончила, они попросили заменить солонку, салфетки, перечницу и даже цветы на столе. Развлекались от души. Переглядывались. Хихикали, глядя, как я бегаю.

Я делала робкие попытки уйти на кухню, но меня перебивали и заставляли делать что-то ещё. Ноги уже уехали от беготни. Но когда я заменила даже кресла, меня, наконец-то отпустили.

Уместив на два подноса еду из заказа, я с достоинством и очень аккуратно, разместила перед гостями тарелки. Встала рядом, чтобы они не орал на весь зал.

Но едва они попробовали горячие блюда, завопили почти хором.

– Она ледяная!

– Ризотто холодное!

– Мясо ледяное!

И так же синхронно повернулись ко мне.

– Еда остывшая! – рявкнул на меня ротвейлер.

– Совершенно верно! – Подобострастно согласилась я. – Это полностью соответствует вашим требованиям. Вы считали, что перед тем, как насладиться сёмгой лососёвого цвета и запечёной лопаткой ягнёнка без добавления перца, вам необходимо размяться. Мы проделали семнадцать дополнительных упражнений, которые вы посчитали более срочными, чем еда. – А потом снова склонилась к их столику и тихо уточнила. – Это какое-то модное течение типа йоги, да?

Первыми заржали шпицы. Гончие подхватили. Но ротвейлер смотрел с ненавистью. Мне даже показалось, что на его лице я вижу свои чувства.

Он зыркнул на своих друзей, и те притихли.

– Она тебя сделала, Гор, – прокомментировал тихо парень шпиц.

– Тебе конец! – рявкнул в мою сторону ротвейлер Гордей Измайлов.

Расплата

Компания притихла. На мне скрестились взгляды не только сидящих за столом, но и окружающих. В Пещере стало тихо, потому что всем хотелось посмотреть, чем дело кончится.

Внутренне я приготовилась к скандалу с битьём посуды, вызовом начальства и извинениями. А потом к увольнению, штрафам и прочему. Но Измайлов меня удивил.

Он моментально оценил обстановку, и приказал:

– Остывшее убрать. Оставить только холодные салаты и закуски. Остальное повторить. Быстро. Носить по готовности. Ты меня поняла?

– Да. Но...

– Рот закрой и делай! Быстро.

– Ты разве её не накажешь, Гор? – пропело воздушное создание рядом с ротвейлером.

– И ты закрой рот, Элла. – Потом он снова повернулся ко мне. – Быстро, я сказал!

Не веря своим ушам, я повторила заказ, сгребла со стола лишнее, и заметалась между кухней, где на меня шипел Артур, и столом Измайлова. Его компания меня не переставала обсуждать.

– Эй, девушка в костюме из ближайшего секонд хенда, принесите воду без газа. И открывайте бутылку прямо за столом, а то мало ли чего вы в неё нальёте «сподкрана». – Девица из гончей пары не могла мне простить цвет сёмги.

– Алиса, не цепляйся к обслуге. Она вон как старается, аж на ходу подмётки рвёт.

Блондин-шпиц всё замечал и давал точные оценки. Все картинно свесились из-за стола, а потом долго смеялись над моими стоптанными балетками.

Я их ненавидела. Делала всё чётко, но слова шпица меня задел. Не сами по себе, потому что я привыкла к насмешкам богачей. А уж обеспеченные мужчины, если им отказать, бывали очень едкими.

Меня задела реакция ротвейлера Измайлова. Почему-то его презрительное отвращение после разглядывания моей обуви было особенно обидным. Оскорбительнее слов.

Стараясь не показывать вида, я просто молчала. Они гоняли меня каждую секунду, то нарочно роняя приборы, то требуя заменить стаканы, которые посчитали грязными.

Но в душе, с каждым колким слово и взглядом Измайлова, мне становилось больнее.

Всё я понимала! И что одета в обноски, и что даже маникюр мой ограничивался обрезанием ногтей и покрытием их бесцветным лаком. Не как у тех, у кого есть деньги.

Постаралась отключить голову и чувства. Была просто подавальщицей. Обслужкой. Работницей низшего сорта. Но почему-то именно глаза Гордея меня продолжали ранить.

Постепенно компания наелась, напилась и ей успела наскучить моя персона. Но тут наступила финальная часть представления. Пришла пора оплачивать счёт.

Я набирала сумму на терминале дрожащими пальцами. Несколько раз не попадала и мне приходилось стирать и нажимать заново. За мной и Измайловым теперь наблюдали все.

За ним, потому что он вызвался оплатить. И за мной, потому что теперь наступал по-настоящему острый момент расплаты за мою дерзость. Сумма была такой, что я должна была бы отдать одну из своих месячных зарплат, чтобы его закрыть.

И вот, я набрала цифры и поставила перед ротвейлером терминал. Он не торопился. Взглянул на сумму. Сравнил её с принесённым в шкатулке, напоминающей россыпь камней. Перевёл взгляд на меня.

Застыв, как ледяное изваяние, я не могла бы даже вдохнуть. Просто ждала своей участи. Потому что прямо сейчас мои долги перед банком могли удвоиться.

Но внешне я старалась не показывать вида. Вытянулась в струнку и даже руки смогла опустить вдоль тела, а не переплетать на груди или сжимать в кулаки.

Гордей снова перевёл взгляд на терминал. Потом, словно пересчитывая, осмотрел сидящих за столом. Покрутил между средним и указательным пальцами карту.

Снова повернулся ко мне. Просканировал. Тянул время, чтобы посмотреть на моё унижение. Насладиться моей уязвимостью, зависимостью.

Но я только сильнее качнула подбородком вверх. Вытянулась в струнку. Мне казалось, что гордость подвесила меня за макушку, и только благодаря ей я не упала на пол.

Секунды катились медленно. Я буквально на своей коже ощущала их тиканье. Иногда они щёлкали прямо по носу, и в этот момент я ощущала отчаянье.

Но потом они начинали бить меня по щекам, и тогда во мне закипала ярость.

Тик-так. И мне страшно до отчаянья.

Тик-так. И я ненавижу этого парня до звона в ушах!

– Добрый вечер, дорогим гостям! – С пионерским задором зашебетала администратор, впорхнув к столу. – Мы рады приветствовать вас в нашем элитном ресторанном комплексе Пещера и хотим угостить вас фирменными летними коктейлями.

Из-за спины Насти вынырнула Катя. Виляя бёдрами, она прошла к столу и выставила на него бокалы с бурлящей разноцветной жидкостью. За столом заулыбались с понимающими высокомерными взглядами.

Повернув голову, я увидела Артура. Вытянув голову из-за кухонной двери, он словно пытался услышать разговор, происходящий за столом.

Хозяин любил держать всё под контролем, но деньги обожал сильнее остального. И трусоват был до неприличия, поэтому и отправил Настю тушить пожар.

– Всем нашим дружным коллективом, – щебетала администратор, – мы приносим свои извинения за доставленные неудобства и задержку в обслуживании. Приглашаем вас посетить наш элитный ресторанном комплексе Пещера ещё раз. От себя гарантируем, что такое обслуживание больше не повторится. В наказание, этот официант больше не будет работать в нашем заведении.

Звяк! Кто-то уронил вилку, а мне показалось, что оборвалось что-то хрупкое внутри. Меня слили ещё до окончания рабочей смены. Прилюдно. Показательно открестились от моей недостойной личности.

Трусливые гады!

В душе поднялась волна отвращения. Теперь мне было противно даже смотреть на Артура. Слизняк!

Поджав губы, я метнула злой взгляд в Гордея Измайлова. Предполагала увидеть высокомерное торжество отмщения, но на его лице было совершенно другое выражение.

С нескрываемой брезгливостью он оглядел администратора. Презрительно поджал губы, а потом разжал пальцы, и алая банковская карта со стуком упала на столешницу.

Я вздрогнула. Измайлов уколол меня злым взглядом и с нескрываемым презрением и яростью обрушился на Анастасию.

– Это Я буду решать как и когда наказывать тех, кто передо мной провинился. Вам я такого права не давал. – Он засунул карту в карман брюк и снова повернулся к Насте. – Зовите сюда хозяина. Буду наказывать.

От меня ещё никто не убежал

У меня больше не было сил. Бесконечный день, бесконечный заказ. Нескончаемая работа. И разговоры, непрекращающиеся, как бег хомяка в колесе.

Сначала меня терзали во время дневной смены. Потом отрывалась компания Измайлова. Теперь подключился Артур. Его прилюдно потрепал ротвейлер, и он вымещал злость на мне.

– Знаешь, кто такие «уважаемые люди»?

В его кабинете было всё в золотых красках. Даже письменный набор на столе намекал на благородный металл, хотя и отдалённо, но в глазах уже рябило от блеска.

– Вероятно, те, кого уважают.

– Много ты понимаешь!

Артурчик начал ёрзать своим рыхлым телом сразу по всем поверхностям: и по креслу, больше похожему на трон, и по столу «инкрустированному золотом».

– Это не надо понимать. Это по определению.

– Умная, значит? – зашипел Артур. – Только, если ты такая умная, что же такая бедная? Ходишь в обносках, спишь у Марины в подсобке? Стыдно тебя гостям показывать! Ты позоришь нашу Пещеру!

Это прозвучало так неоднозначно, что я хмыкнула. Артура это взбесило даже сильнее, чем выволочка Измайлова. Тот унизил его словами так, что возить лицом по полу было бы гуманнее.

Но оскорбление, нанесённое женщиной, для хозяина ресторана, было хуже, чем красная тряпка для быка. Он начал подпрыгивать на троне, визжать, брызгая слюной.

– Уважаемые люди, это дети уважаемых родителей, безродная! Тебе не понять своим скудным умишком! Ты пыль на одежде уважаемых людей, грязь на их подошвах!

Мне уже было всё равно. Я так устала, что едва держалась на ногах. Стул мне не предложили, а мой рабочий день уже перевалил за 14 часов. Но Артуру было всё равно. Женщина не человек.

Он продолжал меня поливать грязью и брызгать слюной, подпрыгивая в кресле. Со стороны это напоминало жабы ужимки. А с тонкими, переходящим в фальцет словами, и вовсе было комичным.

Я ему никогда не нравилась. Поджарые смуглые девушки. Мечтой Артурчика были блондинки с необъятной пятой точкой при тонкой талии. У него даже специальный жест для таких был.

Хозяин ресторана сводил ладони, почти соприкасаясь пальцами. А потом резко, словно пытаясь смахнуть крошки со стола, раздвигал руки. При этом цокал и закатывал свои масляные чёрные глаза.

В понимании владельца ресторана, я была – всюду брак. Недостойная и непривлекательная. Невдувабельная, одним словом. Потому что возбуждали Артура только деньги, связи и блондинки с крутыми формами.

– Да ты должна на коленях ползать! Ноги уважаемым людям целовать!

Он поднял указательный палец выше головы, а потом спикировал им к своим стопам. Наглядно продемонстрировал, чьи именно конечности надо лобызать.

Меня это не впечатлило. И в понимании Артура это был самый страшный грех. Можно быть безродной, старой и непривлекательной. Но восхищение его персоной могло перекрыть остальные грехи.

У меня не было ни восторга от хозяина ресторана, ни желания перед ним пресмыкаться. Выгонит, пойду искать другую работу. Да, долги буду отдавать дольше, но ничего, справлюсь.

– Но я дал тебе шанс работать в приличном заведении, в лучшем элитном ресторанном комплексе побережья! Но ты неблагодарная! Опозорила нас!

Он продолжал уже почти завывая. Трясся, как студень с покрасневшемся лицом. Мне его даже жалко стало.

– Да вы не переживайте, Артур Адамович. Поберегите здоровье. Увольте меня уже, и я избавлю вас от своего недостойного вида, вызывающего поведения, и выплюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.